

Когда Се Шицин, бережно прижимая к себе спящего Шань Шубая, проходил через вестибюль отделения неотложной помощи, дежурные медсестры невольно оборачивались им вслед.

Человек в его руках был до невероятности легким, словно облако. Се Шицин мог без труда поддерживать его одной рукой под бедра, а другой надежно придерживать за спину. Голова Шань Шубая покоилась на его плече, мерное дыхание щекотало шею, а сам он изредка бессознательно хмурился от резкого запаха антисептиков, и его ресницы дрожали, как крылья испуганной бабочки.

— Анализ на аллергены и общий анализ крови, — негромко произнес Се Шицин, обращаясь к врачу, при этом он ни на секунду не выпустил Шань Шубая из объятий.

Когда пришло время брать кровь, он лишь осторожно высвободил запястье из рукава пальто. Подушечками пальцев Се Шицин погладил бледную кожу, нащупывая вену, и даже в момент укола прикрыл ладонью обзор, хотя Шань Шубай так и не проснулся.

— Ничего критичного, но организм сильно истощен, — врач, поправляя очки, просматривал результаты. — В ближайшее время избегайте контактов с аллергенами, необходимо усиленное питание.

Вернувшись на парковку, Се Шицин слегка подбросил спящего на руках. Прошло три часа, но его руки оставались такими же крепкими, а дыхание — ровным. Выносливость, натренированная в юности во время армейских сборов с бревнами на плечах, неожиданно пригодилась в такой ситуации.

Он открыл заднюю дверь машины, сел внутрь и осторожно уложил Шань Шубая себе на колени. Когда пальто укутало тонкую талию, Шань Шубай машинально прижался к его груди, а пряди волос прошли по подбородку, вызывая легкий зуд. Се Шицин одной рукой просматривал почту в телефоне, а вторая неизменно покоилась на спине Шань Шубая. Лунный свет пробивался сквозь люк, освещая крошечные пушистые волоски на переносице и щеки, которые слегка раздувались при каждом вдохе.

Шань Шубай очнулся, окутанный приятным теплом. Он сонно заерзал, пытаясь зарыться глубже в источник этого тепла, и вдруг замер, когда щека коснулась чего-то упругого и твердого. Он резко открыл глаза.

Прямо перед ним было лицо Се Шицина.

Мужчина смотрел на него сверху вниз, и густые ресницы отбрасывали на лицо веерные тени. В уголках его губ играла насмешливая улыбка:

— Хорошо выпался? На моих коленях.

Шань Шубай, словно ударенный током, дернулся, чтобы отстраниться, но запутался лодыжками в пальто и рухнул обратно. Се Шицин тут же сжал руки, и в его груди отозвался низкий смешок:

— Сам ко мне в объятия прыгаешь?

Маленький кролик окончательно впал в панику. Шань Шубай судорожно ухватился за воротник пальто и по самую макушку спрятался внутри, оставив снаружи только влажные от смущения глаза.

Как же стыдно! Как он мог так крепко заснуть в объятиях незнакомца! Но этот человек, кажется, был очень добрым: отвез его к врачу, купил лекарства, да и объятия у него такие... уютные.

— Пф.

Прямо у уха раздался приглушенный смешок. Шань Шубай отчетливо почувствовал вибрацию грудных мышц Се Шицина. Этот смех, бархатный и тягучий, словно выдержанное красное вино, заставил его барабанные перепонки завибрировать.

Хуже некуда! Еще позорнее!

Шань Шубай в отчаянии уткнулся лицом еще глубже, не замечая, как темнеет взгляд Се Шицина. Мужчина накручивал на палец прядь его волос, думая о том, что этот медлительный маленький кролик еще не знает: охотник больше всего наслаждается процессом приручения.

— Перестань смеяться...

Приглушенный протест донесся из-под пальто, напоминая мурлыканье кота, которого слишком настойчиво гладили. Се Шицин теребил кончики волос Шань Шубая и не только не унялся, но рассмеялся еще сильнее, отчего его грудная клетка ходила ходуном. Его низкий, хрипловатый голос, подобно смычку виолончели, прошелся по нервам, отчего кончики ушей Шань Шубая, похожие на белый нефрит, покраснели еще сильнее.

Раздражение, накопившееся из-за недавних торгов за земельный участок, в этот момент чудесным образом испарилось. Это наивное маленькое существо действовало лучше любого успокоительного.

— Сначала примешь лекарство? — Се Шицин придвинул пакет с медикаментами и костяшками пальцев легонько постучал по свернувшемуся в кокон пальто.

Шань Шубай медленно высунул голову и начал шуршать пластиковыми упаковками. Увидев внутри семь-восемь коробок, он скривился, а даже торчащий на макушке вихор поник.

Се Шицин:

— ...

Мысли этого ребенка были написаны у него на лице — он был совсем не из того теста, что старые лисы, с которыми Се Шицину приходилось вести переговоры.

Он постелил салфетку, ловко выдавил таблетки и, словно по волшебству, достал из термоса горячий шоколад:

— Запьешь лекарство этим, не будет горько.

Когда Шань Шубай принял чашку, их пальцы соприкоснулись, и он отдернул руку, словно обжегся. Он понюхал напиток и тихо пробормотал:

— Я не люблю его.

— М? — Се Шицин приподнял бровь. — А что любишь?

— Личи-розовый чай со льдом, — Шань Шубай машинально облизнул губы. — И чтобы добавили хрустящие шарики.

Личи... роза? Где-то он это уже слышал.

Се Шицин внезапно отодвинул воротник пальто и, под удивленным взглядом Шань Шубая, подался вперед. Когда его нос почти коснулся белоснежной кожи шеи, он действительно уловил едва уловимый сладкий аромат — не искусственный парфюм, а легкий цветочный запах после дождя в сочетании со свежестью сока личи, скрытый в тепле человеческого тела.

Но это была не роза.

— Ты... — Шань Шубай, хоть и был сбит с толку, послушно наклонил голову, открывая больше кожи на шее.

Этот жест полной незащитности заставил Се Шицина перехватить дыхание. Он тихо рассмеялся, проводя подушечкой пальца по нежной коже:

— Оказывается, и правда есть человек с таким ароматом.

Из глубины пальто донесся короткий звук. Шань Шубай мгновенно застыл, а его уши налились кровью. Се Шицин сделал вид, что ничего не заметил, и достал телефон:

— Личи-розовый чай и... что насчет каши? Рисовая с морепродуктами или с консервированным яйцом и свининой?

Голова, снова спрятавшаяся в пальто, отрицательно качнулась:

— Не хочу...

Се Шицин на секунду замолчал, а затем невозмутимо предложил:

— Тогда тыквенная каша с пшеном? И паровые булочки с молочным вкусом. — Увидев, как кокон из пальто слегка кивнул, он с ноткой лукавства добавил: — Накормлю тебя досыта... чтобы легче было утащить домой.

Из-под пальто тут же послышался кашель — парень явно подавился. Се Шицин рассмеялся и прижал его к себе крепче, подумав, что это вовсе не маленький цветок, а самая настоящая мимоза: стоит прикоснуться, как он тут же стыдливо прячется.

Что же касается аромата... Се Шицин точно где-то его встречал. На кончиках его пальцев еще оставалось тепло чашки с шоколадом. Глядя на подрагивающие ресницы Шань Шубая, он вдруг вспомнил, при каких обстоятельствах ощутил этот запах впервые.

Это было на светском приеме, где он случайно попробовал чай с личи и жасмином. Чистый фруктовый аромат, окутанный нежным цветочным дыханием, напоминал ветер, пролетающий над розовым садом в начале летнего вечера. И тот крошечный жасмин, что цвел в уголке, был прекрасен.

А сейчас этот аромат струился из волос, с шеи и запястий Шань Шубая — более живой, более яркий, чем в его воспоминаниях.

Шань Шубай со вкусом жасмина и личи.

— Не нравится — не пей, — он забрал чашку, и его пальцы нечаянно коснулись холодных пальцев Шань Шубая.

Тот уставился на напиток, сжав губы в тонкую линию:

— Но это будет пустая трата...

Се Шицин внезапно коснулся указательным пальцем его переносицы:

— Но ведь тебе не нравится. — Его голос стал глубже, обретая властные нотки. — Твои чувства должны быть на первом месте. Не нравится — значит не нравится, не нужно заставлять себя принимать что-то ради кого-то или чего-то. Ты можешь отказываться, как только что сделал, это совершенно нормально. Никто не обязан быть идеальным и любить всё подряд.

Эти слова стали ключом, который внезапно отворил какую-то плотно запертую дверь. Шань Шубай до побеления костяшек вцепился в пальто, его голос был тише комариного писка:

— А если... если причина не такая уж пустяковая?

Се Шицин остро почувствовал, как тело в его руках слегка задрожало. Он сжал объятия, прижимая его к себе, и положил подбородок на макушку Шань Шубая:

— В этом мире нет ничего абсолютного. — Его ладонь легла на худую спину, чувствуя, как под ней колотится сердце. — Важно вот здесь, — он передвинул палец к левой стороне груди, — спроси его, нравится ли ему это, спроси, не заставляет ли он себя только потому, что чувствует себя в клетке.

Свет в салоне падал на лицо Шань Шубая пятнами, и Се Шицин увидел, как расширились его зрачки — словно заблудившийся зверек внезапно увидел свет звезд.

— Ты не обязан соглашаться на всё, — Се Шицин стер большим пальцем влагу, неведомо когда выступившую в уголках его глаз. — Ты можешь говорить «нет», можешь отказываться, можешь...

Он не успел договорить, как Шань Шубай внезапно уткнулся ему в грудь. Горячие слезы мгновенно пропитали рубашку, и Се Шицин почувствовал, как обжигает кожу. Он ничего не сказал, лишь бережно погладил дрожащую спину, а другой рукой успокаивающе потирал выпирающую косточку на лодыжке — там виднелся бледно-розовый шрам, словно от длительного трения о какие-то путы.

Ночной ветер ворвался в приоткрытое окно, принеся несколько листьев платана. Закрывая окно, Се Шицин услышал приглушенный всхлип:

— ...Так тепло.

Эти три слова упали в глубину его души, как перышко в тихий омут, вызвав бесконечные круги. Се Шицин наклонился и поцеловал влажную от пота макушку Шань Шубая, внезапно осознав:

Возможно, он нашел сокровище, которое стало для него ценнее любого самого важного проекта в жизни.

<http://bllate.org/book/20752/2080740>